УДК 32.019.51

DOI 10.17506/articles.mobility.2018.276287

Строганов Вадим Борисович,
аспирант кафедры политических наук
Уральского федерального университета,
г. Екатеринбург,
E-mail: tarangarret@mail.ru

Политическая ризоморфизация Интернета как форма «мягкой силы»

Статья посвящена анализу особенностей современной политической интернет-коммуникации и ее места в концепции «мягкой силы». В статье исследуются современные системы web-технологий в контексте политической коммуникации. Автор рассматривает эволюцию становления web-технологии и выделяет ключевым этапом систему Web 2.0 – «новые медиа». На сегодняшний день, по мнению автора, она является наиболее актуальной формой интернет-коммуникации в силу активного распространения и влияния социальных сетей на политический процесс. Автором был проведен контент-анализ научной и публицистической литературы отечественных и зарубежных авторов. Результаты анализа были синтезированы с выделенными автором особенностями современной интернет-коммуникации. Это позволило провести аналогию с феноменом *«ризомы»*, описанным французскими философами постмодернистами Жилем Делёзом и Феликсом Гваттари. В результате автор выделил феномен *ризоморфизации*, дал собственное определение, а также выявил его ключевые характеристики. На этом основании автор вводит в научный оборот новое определение – *«политическая ризоморфизация»*. Делается акцент на вирусном характере ризоморфной политической коммуникации в Интернете, где ключевой формой вируса, по мнению автора, выступают политические мемы. Автор описывает типологию политических мемов и выделяет их основные особенности. Определено, что политические мемы являются формой самостоятельного языка – «новояза» интернет-сети. Таким образом, автор говорит о новом способе коммуникации – мемовом. Проводится сравнение между мемовым языком и английским языком в контексте влияния «мягкой силы». Выявлен ряд особенностей, характерных для по-

литики и политического управления в Интернете. В частности, в статье обращается внимание на факторы, которые усложняют прямое политическое управление в условиях политической ризоморфизации Интернета. По мнению автора, такими факторами являются: во-первых, хаотичный характер передачи политической информации; во-вторых, активная горизонтальная политическая мобильность, которая обеспечивает возможности для перемещения пользователей между различными политическими группами в Интернете. В результате, сделан вывод о том, что прямое политическое управление в Интернете либо крайне осложнено, либо не может осуществляться в принципе. Таким образом, на его место приходят инструменты и формы «мягкой силы»: политический PR, политическая культура, различные технологии политической манипуляции и др.

Ключевые слова:

ризоморфизация, мягкая сила, Интернет, хаос, политическая коммуникация.

Развитие современной политической интернет-коммуникации является одним из ключевых факторов в смене форм политического управления. Данное развитие можно проследить через эволюцию web-технологий, в основе которых действует политическая коммуникация. Эволюцию web-технологий можно разделить на три этапа:

I этап – «Масс-медиа». Он характеризуется становлением системы сетевой интернет-коммуникации (Web 1.0). Ключевыми особенностями коммуникации этого этапа являются:

1. Передача информации носит линейный, односторонний характер от субъекта к объекту («от одного – многим»).

2. Интернет-сайты и их содержание являются результатом работы малых групп узких специалистов. К тому же, данные специалисты занимаются разработкой инструментов для генерации контента, а также коммуникацией между пользователями (интернет-чаты, блоги, социальные сети), которые в последствии привели к созданию системы Web 2.0.

3. В результате работы узких специалистов сайты носят сугубо информативный характер.

II этап – «Новые медиа». В основе данных технологий интернет-коммуникации лежат такие свойства, как интегратив-

ность, интерактивность и партиципаторность (Web 2.0.) [Шестёркина, Борченко, 2014, с. 109]. Ключевыми особенностями данного этапа выступают:

1. Активное взаимодействие всех пользователей сети в создании интернет-контента.

2. Как правило, таким создателем выступает рядовой интернет-пользователь, не являющийся профессионалом, что сказывается на фактической невозможности создания строгих иерархий.

3. Следовательно, при такой структуре отсутствует централизация власти, а коммуникация и взаимодействие между пользователями носит горизонтальный характер – *сетевой*.

4. В системе Web 2.0 наблюдается полное доминирование социальных сетей. Это обусловлено накоплением в них огромного количества контента, простотой использования и наличием таких свойств, как интегративность, интерактивность и партиципаторность.

III этап – «Персональные медиа». На сегодняшний день данная система коммуникации является лишь проектом. В его основе лежит принцип коммуникации «многие – одному» (Web 3.0). Данный тип коммуникации позволяет фильтровать и структурировать поток информации для каждого конкретного пользователя [Шачкова, 2013, с. 250]. Мы выделяем следующие черты данной системы:

1. Поиск информации по ключевым словам осуществляют не роботы-программы, а живые люди – специалисты (или заинтересованные) в своих областях, с которыми можно обсудить возникающие вопросы.

2. Пользователи не только сами создают контент, но сами же его оценивают: отмечают то, что заслуживает внимания единомышленников, их групп и сообществ в которых они состоят.

3. Коммуникация строится по принципу генерации контента многих, который потребляет один объект. На сегодняшний день примерами коммуникации в системе Web 3.0 могут выступать, например, программа «Telegram» или сайт «Пикабу».

Безусловно, современная политическая интернет-коммуникация существует в системе Web 2.0. Этому способствует постоянное развитие современных социальных сетей: Facebook, Twitter, ВКонтакте и др. У данных социальных сетей существует собственная, непохожая на СМИ, система коммуникации. Однако до сих пор существует ошибочное мнение, что

сегодня Интернет является СМИ, или «Масс-медиа». Следовательно, целью данной статьи является рассмотрение современной системы политической коммуникации в Интернете, а также определение места «мягкой силы» в ней. Таким образом, мы уделим внимание политической коммуникации в системе Web 2.0 и рассмотрим взаимосвязь с феноменом «мягкой силы». «Мягкую» силу можно интерпретировать как силу, достигающую своих стратегических целей, не прибегая к внешнему материализованному насилию. Ее инструментами влияния выступают интеллектуальные паттерны, когнитивные соблазны, привлекательные идеи и символы, обольстительные визуальные и аудиальные образы [Русакова, 2010, с. 174].

На наш взгляд, данная взаимосвязь выражается в *политической ризоморфизации*. Под «*ризомой*» понимают разветвленную корневую систему с множеством «узлов», которая отменяет жесткую иерархию отдельных элементов [Малахов, Филатов, 1998, с. 356]. Таким образом, ризома предлагает принципиально нелинейный способ организации целостности [Ризома]. Следовательно, слово «ризоморфный» мы будем использовать в том значении, которое вкладывали в данное понятие французские философы постмодернисты Жиль Делёз и Феликс Гваттари: «Ризома сама по себе имеет очень разнообразные формы, начиная со своей внешней протяженности, разветвленной во все стороны, до конкретизаций в луковицах и клубнях» [Делёз, Гваттари, 2010, с. 12].

Современный человек находится в условиях постоянного циркулирования вокруг него различного рода политической информации. При этом в условиях взаимодействия с «новыми медиа» человек является не просто получателем этой информации, как это происходило в процессе соприкосновения со «старыми медиа», к которым мы относим СМИ. Он также играет роль распространителя информации, а часто – сотворца наравне с официальными медиа-структурами.

Говоря о политике, практически каждый пользователь может выступать в роли сотворца и распространителя любого политического контента. Из этого следует, что нарушается линейный способ коммуникации от субъекта к объекту. Следовательно, отсутствует четкое направление передачи информации и, как следствие, иерархия пользователей. В конечном итоге, векторная передача информации заменяется горизонтальной, или ризоморфной. Исходя из этого, мы считаем необходимым выделить новое понятие – «*ризоморфизация*».

Под понятием «*ризоморфизация*» мы понимаем процесс преобразования линейной формы коммуникации в сетевую, хаотичную систему коммуникации равных друг другу акторов.

На наш взгляд, основными особенностями *ризоморфизации* являются:

1) Протяженность и разветвленность линий коммуникации, в которой задействованы акторы.

2) Отсутствие строгой иерархии между акторами коммуникации, что обусловлено созданием сетевых групп [Строганов, 2018, с. 1379].

3) В данной системе задействовано огромное количество акторов, которые регулярно создают новые и закрывают старые каналы передачи информации, а также являются создателями интернет-контента.

4) Передача информации в рамках *ризомы* носит «вирусный», хаотичный характер, который не поддается прямому контролю со стороны институциональных структур [Фурсов, 2017, с. 458].

Таким образом, под «*политической ризоморфизацией*» мы понимаем процесс сетевой, хаотичной системы политической коммуникации не поддающийся прямому контролю со стороны.

Следовательно, в контексте Интернета, мы выделяем следующие особенности политической ризоморфизации:

1. Хаотичная, не поддающаяся контролю передача политической информации.

2. Применение новых технологий влияния на общественное мнение, ранее не используемых в «старых медиа», таких как СМИ.

3. Подача политической информации носит фрагментарный характер, что не позволяет создавать пользователям цельную картину мира.

4. Каждая отдельная ячейка, или сетевая группа, обладает собственным набором политических верований, установок и взглядов.

5. Отсутствие строгой иерархии упрощает процесс привлечения новых сторонников.

6. Обладание широкими возможностями для политической коммуникации: чаты, форумы, блоги, социальные сети.

7. Огромная скорость передачи информации, как благодаря неограниченному количеству направлений коммуникации,

так и упрощению самого политического контента, наиболее часто представленного в виде мемов.

Феномен мемов, в том числе политических мемов, заслуживает отдельного внимания. Его определяют как единицу культурной информации [Канашина, 2018, с. 67]. Для нас мем представляет интерес тем, что в Интернете он превращается в отдельный способ коммуникации пользователей друг с другом, который можно обозначить как «мемовый». Другими словами, мы имеем дело с современным, универсальным «новоязом». «Новояз» мема характеризуется значительным упрощением и примитивизацией языка. Обусловлено это использованием картинок, аудио- и видеоматериалов, устоявшихся и популярных выражений в речи пользователей. Следовательно, современные интернет-мемы имеют стандартизированную шаблонную форму [Канашина, 2018, с. 68]. Политический мем может быть представлен в следующих формах: визуальной (картинки, макросы, комиксы, «фотожабы»), аудиальной (песни, слоганы, девизы), текстовой (словесные выражения, неологизмы, слоганы) и смешанной (видеоролики).

Сегодня главным языком мирового значения является английский. Согласно данным 2017 г., английский язык является официальным в 59 странах, на нем говорит 14,7% населения Земли (прим. на китайском языке разговаривает 14,5%), 51,3% сайтов существуют на английском языке [Summary by ...]. Огромное количество элементов массовой культуры выпускается на английском языке: фильмы, книги, музыка.

Сегодня коммуникация через «мемы», в том числе политические, является универсальным языком общения в Интернете, вне зависимости от языковой группы пользователей. Это обусловлено влиянием массовой культуры, на которую ссылаются значительное число интернет-мемов. При этом сами политические мемы являются отражением актуальных политических событий, которые происходят в мире. Таким образом, мемы обладают своим сроком жизни, который определяется длительностью циркуляции информации в Интернете о конкретном политическом событии. Следовательно, для мема, в том числе и политического, плодovitость гораздо важнее, чем долговечность [Докинз, 2013, с. 298].

В результате, одной из ключевых особенностей политических интернет-мемов выступает их «вирусность». Политические интернет-мемы регулярно копируются другими поль-

зователями, которые размещают их на различных интернет-ресурсах. Также пользователи обладают инструментарием для создания схожих по структуре или идее политических мемов. Таким образом, политические интернет-мемы занимают саморазмножением или самовоспроизводством – ауторепликацией [Броуди, 2007, с. 82 и далее]. В результате «вместо одного мема появляются 2, 4, 8, 16, 32, 64, 128, 256, 512...» [Броуди, 2007, с. 69].

Возвращаясь к вопросу политической ризоморфизации, нам необходимо выделить ряд особенностей, характерных для политики и, в частности, политического управления в Интернете. Эти особенности обусловлены следующими факторами: во-первых, доминирование в Интернете горизонтальной политической-коммуникации; во-вторых, отсутствие иерархических структур и замена их сетевой организацией; в-третьих, регулярное изменение каналов коммуникаций; в-четвертых, наличие широкого арсенала инструментов для осуществления политической коммуникации; в-пятых, отсутствие четких границ интернет-сети.

Исходя из этого, мы можем сделать вывод о том, что политика в Интернете носит хаотичный, не поддающийся контролю со стороны институциональных структур характер, что делает фактически невозможным прямой контроль над циркулированием политической информации в сети, а также не позволяет осуществлять прямой контроль над сетевыми группами.

Одной из главных сложностей в прямом контроле над сетевыми группами является активная горизонтальная политическая мобильность. Она обусловлена наличием в социальных сетях огромного количества различных групп с разнообразными и полярными политическими интересами и установками. Другими словами, сущностью сетевого принципа организации является замена многоуровневой иерархии сетью автономных единиц и отказе от административных механизмов координации и управления [Соколов, Маклашин, 2013, с. 160]. Следовательно, в силу отсутствия прямого административного воздействия, а также широких возможностей горизонтальной политической мобильности, перед пользователем открывается возможность примкнуть к любой политической группе в социальных сетях. В связи с отсутствием строгой иерархии, наличием огромного выбора политических групп, отсутствием каких-либо обязательств перед участниками группы, пользователи могут легко

перемещаться между различными политическими группами в Интернете.

В результате мы можем говорить о том, что в силу политической ризоморфизации Интернета прямое политическое управление с применением силовых или административных средств («hard power») либо крайне осложнено, либо не может осуществляться в принципе. Следовательно, перед нами встает вопрос о возможности осуществления иной формы политического управления и воздействия на пользователей Сети. Именно в этом случае задействован феномен «мягкой силы».

Как правило, целью применения «мягкой силы» является формирование предпочтений, запросов, интересов и ценностей общества, получение желаемых результатов в политике, создание повестки дня и др. [Михалев, 2014, с. 63]. Этому способствует применение таких инструментов и форм политического воздействия и управления, как: политический PR, маркетинг, политическая культура, манипулятивные технологии, создание политических мифов, разработка и проведение имиджевых кампаний и др.

Таким образом, данные формы политического управления обеспечивают косвенное воздействие на пользователей сети Интернет. В результате, мы можем сделать вывод о том, что политическая ризоморфизация в Интернете является формой «мягкой силы», которая применяет аналогичные ей технологии и методы воздействия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Броуди Р. 2007. Психические вирусы: Как программирует ваше сознание / пер. с англ. П.В. Афанасьевой. М.: Поколение. 304 с.

Делёз Ж., Гваттари Ф. 2010. Капитализм и шизофрения. Т. 2. Тысяча плато. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель. 896 с.

Докинз Р. 2013. Эгоистичный ген / пер. с англ. Н. Фоминой. М.: АСТ: CORPUS. 510 с. (Династия).

Канашина С.В. 2018. Роль интернет-мемов в процессе политических выборов // Полит. лингвистика. № 1. С. 67–73.

Малахов В.С., Филатов В.П. (сост.) 1998. Современная западная философия: словарь / сост. и отв. ред. Малахов В.С., Филатов В.П. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТОН–Остожье. 544 с.

Михалев А.В. 2014. Концепция «Мягкой силы»: обзор подходов в зарубежной науке // Науч. журн. «Дискурс-Пи». № 1. С. 63–67.

Ризома // Академик: Новейший филос. словарь [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1020/ризом (дата обращения: 05.03.2018).

Русакова О.Ф. 2010. Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. № 10. С. 173–192.

Соколов А.В., Маклашин И.С. 2013. Сетевая гражданская активность в современной России // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Т. 19, № 6. С. 159–161.

Строганов В.Б. 2017. Мобилизация политической активности подростков: манипуляция сознанием или проявлением гражданственности // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: материалы Двадцать второй Междунар. конф. памяти проф. Л.Н. Когана: сб. тр. / под ред. Е.В. Грунт, А.В. Меренкова, Н.Л. Антоновой. Екатеринбург. С. 1372–1381.

Фурсов А.И. 2017. Борьба вопросов. Идеология и психология: русское и мировое измерения. М.: Кн. мир. 764 с.

Шачкова В.А. 2013. Возможности системы WEB 3.0 в современном медиапространстве: проблемы и перспективы // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. № 4–2. С. 250–253.

Шестёркина Л.П., Борченко И.Д. 2014. Основные характеристики новых социальных медиа // Учен. записки Забайкал. гос. ун-та. Серия: Филология, история, востоковедение. № 2. С. 107–111.

Summary by language size. Ethnologue. Languages of the World [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ethnologue.com/statistics/size> (дата обращения: 13.10.2018).

References

Brodie R. Psikhicheskie virusy: Kak programmirovat vashe soznanie [Virus if the Mind: the new science of the meme], Moscow, Pokolenie, 2007, 304 p. (in Russ.).

Deleuze G., Guattari P. – F. Kapitalizm i shizofreniya. T. 2. Tsyacha plato [Capitalism and schizophrenia. T. 2. Thousand

plateau], Ekaterinburg, U-Faktoriya, Moscow, Astrel', 2010, 896 p. (in Russ.).

Dawkins R. Egoistichnyy gen [The selfish gene], Moscow, AST, CORPUS, 2013, 510 p. (in Russ.).

Kanashina S. V. Rol' internet-memov v protsesse politicheskikh vyborov [The role of Internet memes in the political election process], Politicheskaya lingvistika, 2018, no. 1, pp. 67–73. (in Russ.).

Malakhov V. S., Filatov V. P. (comp.) Sovremennaya zapadnaya filosofiya: slovar' [Modern Western Philosophy: Dictionary], 2nd ed., rev. and augm., Moscow, TON–Ostozh'e, 1998, 544 p. (in Russ.).

Mikhalev A. V. Kontseptsiya «Myagkoy sily»: obzor podkhodov v zarubezhnoy nauke [Soft power concept: a review of approaches in foreign science], Nauchnyy zhurnal «Diskurs-Pi», 2014, no. 1, pp. 63–67. (in Russ.).

Rizoma [Rhizome], Akademik: Noveyshiyy filos. slovar', available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1020/rizoma (accessed March 05, 2018). (in Russ.).

Rusakova O. F. Kontsept «myagkoy» sily (soft power) v sovremennoy politicheskoy filosofii [Soft power concept in modern philosophy], Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk, 2010, no. 10, pp. 173–192. (in Russ.).

Sokolov A. V., Maklashin I. S. Setevaya grazhdanskaya aktivnost' v sovremennoy Rossii [Network civil activity in modern Russia], Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova, 2013, vol. 19, no. 6, pp. 159–161. (in Russ.).

Stroganov V. B. Mobilizatsiya politicheskoy aktivnosti podrostkov: manipulyatsiya soznaniem ili proyavleniem grazhdanstvennosti [Mobilization of political activity of adolescents: the manipulation of consciousness or citizenship], E. V. Grunt, A. V. Merenkov, N. L. Antonova (eds.) Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya: materialy Dvadsat' vtoroy Mezhdunar. konf. pamyati prof. L. N. Kogana: sb. tr., Ekaterinburg, 2017, pp. 1372–1381. (in Russ.).

Fursov A. I. Bor'ba voprosov. Ideologiya i psikhistoriya: russkoe i mirovye izmereniya [Fighting issues. Ideology and Psychohistory: Russian and World Dimensions], Moscow, Knizhnyy mir, 2017, 764 p. (in Russ.).

Shachkova V. A. Vozmozhnosti sistemy WEB 3.0 v sovremennom mediaprostranstve: problemy

i perspektivy [Possibilities of the WEB 3.0 system in modern media space: problems and prospects], Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo, 2013, no. 4–2, pp. 250–253. (in Russ.).

Shesterkina L.P., Borchenko I.D. Osnovnye kharakteristiki novykh sotsial'nykh media [Key features of new social media], Uchenye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya, istoriya, vostokovedenie, 2014, no. 2, pp. 107–111. (in Russ.).

Summary by language size. Ethnologue. Languages of the World, available at: <https://www.ethnologue.com/statistics/size> (accessed October 13, 2018).

Vadim B. Stroganov,

Post-graduate Student of the Department of Political Science,
Ural Federal University,
Yekaterinburg,
Russia,
E-mail: tarangarret@mail.ru

Political Internet Rhizomorphization as a Form of Soft Power

Abstract

The article is devoted to the analysis of the features of modern political Internet communication and its place in the concept of “soft power”. The article explores modern systems of web-technologies in the context of political communication. The author considers the evolution of the development of web-technology, and highlights the key stage of the Web 2.0 system – “new media”. Today it is one of the most urgent form of Internet communication, due to the active distribution and influence of social networks on the political process. The author conducted a content analysis of the scientific and journalistic literature of domestic and foreign authors. Later, the results of the analysis were synthesized with the features of the modern Internet communication highlighted by the author. This allowed us to draw an analogy with the phenomenon of “rhizome”, described by French philosophers post-modernists Gilles Deleuze and Félix Guattari. As a result, the author identified the phenomenon of rhizomorphization, gave his own definition, and also revealed its key characteristics. On this basis, the author

introduces a new definition into scientific circulation – “political rhizomorphization”. In analyzing this phenomenon, the author focuses on the viral nature of the rhizomorphic political communication on the Internet, where the key form of the virus, according to the author, is political memes. The author describes the typology of political memes and highlights their key features. As a result, it was determined that political memes are a form of an independent language – the “new language” of the Internet. Thus, the author talks about a new way of communication – meme. The author also makes a comparison between the meme language and the English language in the context of the influence of “soft power”. Further, the author identified a number of features characteristic of policy and political governance on the Internet. In particular, the article draws attention to the factors that complicate direct political governance in the context of political Internet rhizomorphization. According to the author, such factors are: firstly, the chaotic nature of the transfer of political information; secondly, active horizontal political mobility, which provides opportunities for users to move between different political groups on the Internet. As a result, it was concluded that direct political control over the Internet is either extremely complicated or not possible in principle. Thus, tools and forms of “soft power” come in its place: political PR, political culture, various technologies of political manipulation, etc.

Keywords:

rhizomorphization, soft power, the Internet, chaos, political communication.